

УДК 23

Распятый Бог: Юрген Мольтман и его вклад в осмысление богословского значения крестной смерти Христа

**Иларион, митрополит Волоколамский
(Алфеев Григорий Валериевич)**

Доктор философских наук, профессор,
председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата,
115191, Российская Федерация, Москва, Даниловский вал, 22;
e-mail: ershov.mospat@gmail.com

Аннотация

В статье раскрывается философский смысл теософских взглядов Юргена Мольтмана. Автором показана противоречивая позиция богослова на основе смыслового анализа текстов основных работ Мольтмана. С одной стороны, концепция Мольтмана позволяет по-новому осмыслить состояние христианской идентичности, показать ее противоречивость. Мольтман актуализирует вопрос о Кресте как центре христианской жизни и идентичности. Подлинная христианская идентичность состоит в единении с распятым Христом. В то же время христианская вера начинается с созерцания распятого Христа, а значит, она уже критична, рефлексивна. Таким образом, кризис идентичности порожден самим характером веры и стилем мышления христиан: Мольтман называет это состояние «слабо христианизированный монотеизм». Далее, Мольтман критически осмысливает метафизичность божественного бытия и приходит к мнению о том, что Бог может изменяться внутри Себя. Данный тезис противоречив по отношению к Священному Писанию. С другой стороны, теософия Мольтмана восходит к интерпретации смерти Христа не как богочеловеческого события, а как тринитарного события между Отцом и Сыном. Он попытался объяснить то, что остается недоступным человеческому познанию и не нашло отражения в Откровении, выйти за рамки учения о двух природах и перейти к новому осмыслению тринитарного богословия. Подобная постановка ключевого для христианства вопроса о богопознании, как считает автор статьи, довольно уязвима и спорна с позиции богословия.

Для цитирования в научных исследованиях

Иларион, митрополит Волоколамский. Распятый Бог: Юрген Мольтман и его вклад в осмысление богословского значения крестной смерти Христа // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. Том 5. № 5А. С. 198-209.

Ключевые слова

Христианская идентичность, Богопознание, крестная смерть Христа, тринитарная теология Креста, Юрген Мольтман.

Введение

Время, на которое пришлось личностное и богословское формирование Юргена Мольмана, отмечено историческими потрясениями. Вспоминая о своем богословском образовании в Гёттингенском университете, Мольтман писал: «Потрясенные и разбитые пришли тогда выжившие люди моего поколения из лагерей в лекционные залы. Теология, которая не говорила бы перед лицом богооставленного Распятого, не достигла бы нас тогда» [Moltmann, 1987, 7].

Дух времени и обстоятельства жизни самого Мольмана, прошедшего часть своей молодости в лагерях для военнопленных, во многом определили направление его богословской мысли и подтолкнули к развитию «теологии надежды». Особой темой для Мольмана стала крестная смерть Христа благодаря своей созвучности трагизму времени и вызовам, с которыми сталкивалось общество.

Философия христианской идентичности Ю. Мольмана

Исходным пунктом рассуждений Мольмана о Кресте и крестной смерти Христа служит анализ общего состояния христианства, которое определяется Мольманом как кризис идентичности и релевантности: «Христианское существование теологий, церквей и людей находится сегодня более, чем когда-либо в двойном кризисе: в кризисе релевантности и кризисе идентичности... Чем больше теология и церковь пытаются стать релевантными по отношению к проблемам современности, тем глубже входят они в кризис своей собственной христианской идентичности» [там же, 12].

В качестве примера проявления названного кризиса Мольтман указывает на современную ему ситуацию, сложившуюся в среде теологического образования и церковного служения, когда многие студенты оставляют изучение теологии, а пасторы – свои должности и изучают социологию и психологию, считая, что таким образом они смогут принести больше пользы обществу.

В этой связи Мольтман критикует старую теологию, называя ее «окаменелостью», и раскрывает ее устаревший характер. Фундаментализм, по мнению Мольмана, превращает Библию в непререкаемый авторитет. Догматизм замораживает живую христианскую традицию. Консерватизм делает литургическую жизнь неподвижной, а христианская мораль становится умертвляющим законничеством.

Евангелие научило многих, как отмечает Мольтман, замечать страдания угнетенных и оставленных людей. Это послужило основой для пробуждения интереса верующих к социальным и политическим вопросам. И это же заставило многих покидать церкви, потому

что в них не было возможности реализовать социальный или политический интерес. Такое положение не вписывается, по Мольтману, в представление об актуальности Церкви: Церковь, которая не может измениться, умирает [там же, 16].

Ставя вопрос о том, в чем состоит идентичность Церкви, Мольтман рассматривает церковную общину и Символ веры в качестве базиса христианской идентичности. Оба варианта представляются ему неудовлетворительными. Принятие церковной общинности за идентичность, по мнению Мольтмана, только вытесняет проблему, потому что как раз христианская идентичность этих общин и стоит под вопросом. Повторение же вероучительных формул Символа веры не гарантирует христианскую идентичность, а приводит лишь к общности с отцами и традицией.

Подлинная христианская идентичность состоит, по мнению Мольтмана, в единении с распятым Христом: «Христианскую идентичность можно понимать только как акт идентификации с распятым Христом... при условии, что кого-то достигло провозглашение, что в нем Бог идентифицировался с безбожными и богооставленными, то есть с теми, к которым принадлежит сам человек» [там же, 23]. Это относится не только к личностному уровню, но и к самой теологии: «Существует внутренний критерий каждой теологии и Церкви, которая претендует на то, чтобы быть христианской... это Сам Распятый» [там же, 8].

Введя Крест в центр христианской жизни, Мольтман формулирует основные задачи теологии Креста. Среди них:

- избегать односторонности традиции и понимать Распятого в связи с Его Воскресением и, как следствие, со свободой и надеждой;
- выйти за пределы учения о спасении и ставить вопрос о том, кто есть Бог оставленного на Кресте Христа;
- выйти за пределы личного спасения и ставить вопрос об освобождении человека и его новом отношении к проблемам общества;
- серьезно воспринимать реформационную теологию с ее критическими идеями и перейти от критики Церкви к критике общества [там же, 9].

Реализуя сформулированные задачи, Мольтман критикует традиционные понимания Креста, в частности те, которые находят свое отражение в жертвенном понимании Евхаристии и в мистическом поклонении страданиям Христа.

Понимание Евхаристии как Жертвы связано, по мнению Мольтмана, с литургическим культом Креста, что не находит отражения в Священном Писании. Ссылаясь на апостола Павла, Мольтман пишет о том, что смерть Христа «не является повторяемой или транслируемой жертвой. Он окончательно воскрес от одной смерти, как подчеркивает Павел, и «уже не умирает» (Рим. 6, 9), ни кровным, ни бескровным образом. Христа нельзя понять как вечно умирающее и воскресающее культовое божество» [там же, 46].

Евхаристия понимается Мольтманом в русле протестантской традиции, как напоминание и представление смерти Христа, но лишь в форме «провозглашения», а не в форме «повторения» крестной смерти» [там же].

Другим пунктом мольтмановской критики становится мистическое поклонение страданиям Христа, которое было особенно распространено в Западной церкви. В таком поклонении Христос воспринимается, по мысли Мольмана, только как прообраз собственных мучений и смирения. Страдания и бедствия начинают пониматься пассивно, как страдания от некоей непостижимой судьбы. Несмотря на то, что поклонение страданиям Христа сохраняет в памяти верующих человечность и уничижение Христа, Крест в этом случае обезличивается, и теряется своеобразие Христовых страданий и смерти [там же, 53].

Слово о Кресте, или Противоречивый характер веры

От критики традиционных пониманий Креста Мольтман переходит к ближайшему рассмотрению крестной теологии и формулирует ее основные положения. Анализируя сущность теологии как слова о Боге на основании Слова Бога, Мольтман обращается к богословию апостола Павла, сближая понятия «слова Божьего» (2. Кор. 2, 17) и «слова крестного» (1. Кор. 1, 18). Теология становится, таким образом, словом о Кресте.

Одним из существенных вопросов этой теологии является познание Бога в распятом Христе и осмысление того, что это означает для христианской веры в целом. Первое, с чем сталкивается смотрящий на распятого Христа, это противоречие, которое состоит в том, что в Распятом не усматривается Божество.

Мольтман приводит аналогию с созерцанием тварного мира, в котором можно усмотреть отпечаток славы Божией, и противопоставляет этому созерцание распятого Христа: «В богооставленном Распятом вера не находит соответствий такого рода, которые давали бы ей познание Бога, но напротив противоречит этому» [там же, 70].

Если вера начинается с созерцания распятого Христа, то в этом случае христианская теология не может быть чистой, потому что она приобретает критический характер: «Теология креста может быть, поэтому, в ее методологии и практике, только полемической, диалектической, антитезисной и критической теологией» [там же, 72].

Критика идет по направлению от Распятого к познающему человеку и разрушает его привычные установки. Так, человек видит Распятого по закону и теряет интерес оправдываться делами закона. Если человек ищет Бога в воле к политической власти и видит беспомощного и распятого Христа, то становится свободным от таких устремлений. Взгляд на распятого Христа освобождает и от интереса к самообожествлению.

Сформулировав характер теологии Креста, Мольтман фокусируется на ее центральном вопросе: «Богословские традиции восприняли Крест и Воскресение в сотериологическом значении... Это не неверно, но этого недостаточно. Необходимо также ставить вопрос о том, что означает Крест для Самого Бога?» [там же, 185].

Ответ на этот вопрос дается Мольтманом через критический анализ традиционного учения о двух природах Христа. Рассматривая исторические вехи христологии, Мольтман останавлива-

ется сначала на никейской мысли, которая в контексте антиарианской полемики свидетельствовала, в том числе, о неизменяемости Бога. Мольтман трактует этот тезис как относительный: неизменяемость Бога нужно понимать в сравнении с изменяемостью твари, однако нельзя заключить, что неизменяемость присуща Богу также и «внутри Него» [там же, 216].

Мольтман критикует тезис о неизменяемости Бога и с другой стороны, как теистическое понятие, унаследованное христианством от античной философии. Бог в теизме характеризуется метафизически как безначальный, бесконечный, неподвижный и неизменяемый. Вследствие этого смерть, страдания и смертность не вписываются в перечень качеств божественной природы и должны быть от нее отделены.

Попытка сохранить теистическое понимание Бога при рассмотрении Креста приводит к представлению об отсутствии у Креста божественной составляющей. Если же христианская вера пытается сохранить свою идентичность, то она должна мыслить о бытии Божиим в самих страданиях и смерти Христа.

Мольтман в целом склоняется к отходу от мышления в рамках двух природ и делает акцент на единой личности Христа. В отношениях Сына с Отцом, как отмечает Мольтман, личность Христа «выступает в ее целостности как Сын и отходит на второй план соотношение Божества и человечества в Его личности» [там же, 192]. В этой связи в традиционном учении о двух природах Мольтману представляется ценным аспект общения свойств двух природ (*communicatio idiomatum*), разработанный Отцами Церкви и впоследствии поддержанный Лютером. Учение о двух природах способствовало, по мысли Мольмана, появлению умственного затруднения, возникающего при попытке воспринять Бога в смерти Христа. В свою очередь, *communicatio idiomatum* послужило преодолению этого затруднения. Оно дало возможность «мыслить Бога в богооставленности Христа и приписывать страдания и смерть на кресте богочеловеческой личности Христа. Если божественная природа в личности вечного Сына Божьего является личностнообразующим центром в Христе, то она тоже страдала и умирала» [там же, 222].

Несмотря на то, что Мольтман положительно оценивает учение об общении свойств, он определяет это учение еще как не до конца разработанное. Следующим этапом развития теологии Креста должна послужить «тринитарная теология креста» [там же].

«Тринитарная теология Креста»

Тринитарное мышление проистекает из Креста потому, что благодаря Кресту связь между Отцом и Сыном становится открытой: «Крест стоит посередине тринитарного бытия Бога, разделяет и связывает Лица в их связи друг ко другу и показывает их конкретно» [там же, 192]. Тринитарный подход Мольмана начинается с вопроса о том, нужно ли мыслить распятого, «человеческого» Бога тринитарно и возможно ли обратное: мыслить тринитарно без упоминания о Кресте [там же, 223].

Обращаясь к религиозным представлениям христиан, Мольтман отмечает, что они традиционно мыслят в рамках лишь «слабо христианизированного монотеизма» [там же]. Такой стиль мышления приводит, по мысли Мольмана, к обозначенному кризису христианской идентичности. Кризису способствовало и то, что учение о Троице было до настоящего момента, как считает Мольтман, лишь богословской спекуляцией без всякого практического применения в жизни. Новое же учение о Троице должно быть неразрывно связано с Крестом.

Тринитарные построения Мольмана начинаются с определения отношений между Сыном и Отцом в контексте крестных страданий. «Иисус претерпевает умирание в оставленности, а не саму смерть, потому что смерть невозможно претерпеть, претерпевание же подразумевает жизнь. А Отец, который оставляет и жертвует Сына, претерпевает смерть Сына в бесконечной боли любви» [там же, 230].

Мольтман отмечает, что это не патрипассианское¹ понимание, согласно которому Отец тоже страдал и умирал. Умирание Сына в оставленности Отцом отличается от страданий Отца при смерти Сына. Сын претерпевает умирание, а Отец претерпевает смерть Сына. «Оставленность Сына Отцом соответствует оставленности Отца Сыном, и если Бог является Отцом Христа, то Он претерпевает в смерти Сына и смерть Своего Отцовства» [там же].

Тринитарное мышление в связи с крестной смертью Христа подразумевает и определение места Духа в этом событии. Мольтман пишет: «Что выходит из этого события между Отцом и Сыном, так это Дух, который оправдывает безбожных, наполняет любовью оставленных и Сам будет воскрешать мертвых, потому что их мертвость не может отлучить их от Креста» [там же, 231].

Мольтман отмечает, что если бы крестная смерть Христа рассматривалась не тринитарно, а только в рамках учения о двух природах, то событие на Кресте можно было бы богословски описывать только с использованием простого понятия Бога, проистекающего из этого учения, и определять Крест как происшествие «между Богом и Богом» [там же]. При такой формулировке можно было бы сделать заключение, что в Боге произошло глубокое разделение: Он покинул Сам Себя.

В тринитарном подходе к пониманию крестной смерти Христа Мольтман видит свое новаторство: «Мы, таким образом, интерпретировали смерть Христа не как богочеловеческое событие, а как тринитарное событие между Отцом и Сыном... Такой подход нов по отношению к традиции» [там же, 232].

Из тринитарного понимания Креста проистекает ряд выводов, которые формулируются Мольтманом. Во-первых, учение о Троице превращается из непрактичной богословской спекуляции в «сокращенное изложение истории страданий Христа» [там же], а Крест стано-

1 Патрипассианство (от лат. *pater* – отец и *passio* – страдание) – учение о том, что в лице Сына страдал Бог Отец. Экспонентами этого учения в первой половине III века были Праксей и Ноэт, по мнению которых Отец и Сын – два модуса одного и того же Лица: Отец воплотился и пострадал в модусе Сына. С этими взглядами полемизировал Тертуллиан в сочинении «Против Праксея», где он доказывал, что Отец и Сын — два самостоятельных Лица.

вится содержанием тринитарного учения. Во-вторых, тринитарный подход распространяется на учение о спасении. Оно состоит в единстве с Богом, в котором есть все: несчастья, богооставленность и смерть.

В-третьих, тринитарное понимание крестной смерти Христа противостоит теистическому пониманию Бога: совершенный, всемогущий и бесконечный Бог не может быть Богом, который находится на Кресте. При этом христианская теология не означает конца метафизического теизма, как отмечает Мольтман. «Как раз потому, что метафизический теизм неприменим к христианской теологии, она остается свободной от того, чтобы принимать метафизику как свою задачу...» [там же, 204].

Говоря о крестной смерти и Боге, который являет Себя или познается верующими в распятом Христе, Мольтман употребляет формулировку «событие между Отцом и Сыном». Персональное понимание Бога отходит, в этом случае, на второй план, поэтому Мольтман ставит вопрос о существовании персонального Бога. «Если под Богом понимается событие, можно ли молиться Ему?... Фактически, нет личного Бога, но есть личности в Боге... так что человек молится Богу не как некому небесному «Ты», и не «событию», а в этом «событии» человек молится через Сына к Отцу в Духе» [там же, 234].

Вклад Мольтмана в осмысление христианской идентичности

Рассматривая вклад Мольтмана в богословское осмысление крестной смерти Христа с православной точки зрения [Немыченков, Доктрина страдающего Бога..., 2016; Немыченков, Страдания Бога Сына..., 2016], мы должны отметить, что основной характер рассуждений Мольтмана соответствует общим тенденциям протестантской теологии, прежде всего в том смысле, что его теология имеет критическую направленность как по отношению к богословской традиции, так и за ее рамками (критика церковной жизни и общества). Желанием критического переосмысления существовавших традиций объясняются многие идеи Мольтмана.

При сопоставлении с православным вероучением ряд тезисов Мольтмана выглядит спорным с точки зрения богословского содержания. Так, критика жертвенного понимания Евхаристии основывается на тезисе о единственности Голгофской Жертвы, что и подтверждается текстами Священного Писания. Особенностью же православного понимания Евхаристии как Жертвы является вера в то, что Евхаристия, будучи тождественной крестной Жертве, не повторяет ее, а являет ее таинственным образом в освящении Даров.

В жертвенном понимании Евхаристии Мольтман усматривает лишь литургический культ Креста. Однако такое определение существенно сужает значение Евхаристии, которая по своему характеру не только соотносится с Крестом, но и является «жертвой хваления» и благодарения.

Основная постановка вопроса Мольтмана, касающаяся теологии Креста, заключается в выходе за рамки традиционного сотериологического понимания Крестной Жертвы с целью

рассмотреть ее саму по себе, в ее внутреннем значении. Это приводит Мольтмана к необходимости определить характер теологии Креста в целом и разработать ее главный вопрос, касающийся нового богословского определения отношений Отца с Сыном.

Мысль Мольтмана о том, что в Распятом Христе человек встречает противоречие, видя в Нем лишь «богооставленного Распятого», требует богословского уточнения. Если исходить из халкидонского учения о соотношении природ во Христе, то становится ясно, что Божество не покидало и не могло покинуть Христа, а значит, и Его единство с Отцом оставалось неизменным.

В этом случае встает вопрос об интерпретации «богооставленности» Христа. С одной стороны, она может пониматься как голос человеческой природы Спасителя, а с другой стороны – как голос человеческой природы вообще, природы, нуждающейся в единении с Богом и исцелении от богооставленности. К такой трактовке склоняется святитель Афанасий Великий и ряд других Отцов Церкви.

В этом контексте идеи Мольтмана о том, что благодаря Крестной Жертве страдания, немощь и смерть находятся в Боге (а потому единство с таким Богом ведет к спасению), становятся противоположными тому пониманию, при котором страдания, немощи и богооставленность находятся вне Бога, в человеческой природе, и воспринимаются Спасителем в «образе раба» для их исцеления.

Обращение Мольтмана к богословскому осмыслению отношений между Отцом и Сыном в контексте Крестной Жертвы вызывает, прежде всего, вопрос об источниках богословских построений об Отце. Так, упоминая о никейском понимании неизменности Божества, Мольтман делает вывод об относительности этого высказывания и далее приходит к заключению о том, что Бог может изменяться внутри Себя. Этот тезис не основывается на Священном Писании.

В качестве косвенного подтверждения этого тезиса он обращается к метафизическому понятию Бога, который характеризуется как бесконечный и неизменяемый. Метафизическое понятие Бога отвергается Мольтманом как не вписывающееся в картину крестных страданий, однако определения Священного Писания о неизменяемости Бога остаются в рассуждениях Мольтмана без внимания. При этом крестные страдания Спасителя также не дают возможности сделать заключение об изменяемости Божества: несмотря на то, что страдает личность Христа, состоящая из двух природ, было бы неоправданным приписывать на основании этого страдание отдельно взятой Божественной природе.

Остальные выводы относительно Отца также делаются Мольтманом умозрительно. Мысль об изменяемости Божества приводит его к выводу о возможности страданий для Отца, что и дает возможность сформулировать отношение Отца к Крестной Жертве Сына как страдание от оставленности Сыном и потери Отцовства. В рамках православного тринитарного богословия такой вывод можно понять как мысль о полном отсутствии единства между Лицами: не только Отец оставляет Сына (что тоже невозможно), но и Сын оставляет Отца. Более того, Отец претерпевает смерть своего Отцовства, то есть теряет ипостасное свойство.

Стремление Мольтмана выйти за рамки учения о двух природах и перейти к новому осмыслению тринитарного богословия приводит к попытке объяснить то, что остается недоступным человеческому познанию и не находит отражения в Откровении. В данном контексте сама постановка вопросов о познании Бога в распятом Христе и о познании отношений между Отцом и Сыном в связи с крестной смертью оказывается спорной и уязвимой с богословской точки зрения.

Заключение

Обилие богословских противоречий между взглядами Мольтмана и православным вероучением не лишает, тем не менее, работу Мольтмана своей ценности, в том числе и для православного богословия. Как представляется, главное ее достоинство заключается в обращенности ко Кресту как к центру христианской жизни и идентичности.

Формулируя задачи современной теологии Креста, Мольтман отмечает необходимость связывать Крест с Воскресением и проистекающей из него надеждой. Это, в определенном смысле, сближает понимание Креста с православной традицией, в которой Крестная Пасха и Воскресение Христово неразрывно связаны.

Крест, таким образом, не только понимается с акцентом на оправдании и искуплении, что особенно характерно для западной богословской мысли, но и несет в себе радость Воскресения, наделяя смыслом человеческое существование: «Крест не любят и не могут любить. Но все же только Распятый дает ту свободу, которая изменяет мир, потому что мир больше не боится смерти» [Moltmann, 1987, 7].

Библиография

1. Доклад Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на встрече с членами Российской академии образования // Путь православия. 1995. № 4. С. 45-67.
2. Дронов М. (прот.). Протестантская этика и православная аскетика // Человек. 1999. № 3, 4.
3. Дронов М. (прот.). Экзистенция и опыт в православном мышлении накануне 21 века // Альфа и Омега. 1998. № 4. С. 78-89.
4. Евлампиев И.И. История русской метафизики в 19-20 веках. В 2 т. СПб., 2000.
5. Запрометова О.М. Духовный опыт/переживание как путь к Всеединству. Вызов XX века // Соловьевские исследования. 2010. № 1(25). С. 104-111.
6. Зеньковский В. (прот.). История русской философии. М.: Академический проект, 2001. 456 с.
7. Зеньковский В. (прот.). Основы христианской философии. М., 1997. 589 с.
8. Кардиа К. Европейская религиозная и культурная идентичность. Вопрос о распятии / пер. И. Смагина. М.: Центр книги Рудомино, 2011. 278 с.

9. Карнаухов И.А. Тернальный принцип маргинального протестантизма и теологии надежды Мольтмана // Теория и практика общественного развития. 2015. № 22. С. 182-184.
10. Мольтман Ю. Наука и мудрость: к диалогу естественных наук и богословия / пер. с нем. О. Корнеев и Э. Янзина. М.: Библейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 2005. 196 с.
11. Мольтман Ю. Человек / пер. с нем. Н. Полторацкий и Н. Полторацкая. М.: Изд-во ББИ, 2012. 128 с.
12. Немыченков В.И. Доктрина страдающего Бога в современном христианском богословии // Церковь и время. 2016. № 2 (75). С. 55-82.
13. Немыченков В.И. Страдания Бога Сына в период Его земного служения: догматические аспекты // Церковь и время. 2016. № 3 (76). С. 117-168.
14. Сыпачева Т.А. Проблема идентичности в контексте христианской антропологии // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия 3. 2013. № 3. С. 50-56.
15. Moltmann Jü. Der gekreuzigte Gott: das Kreuz Christi als Grund und Kritik christlicher Theologie. München: Kaiser, 1987.

The crucified God: Juergen Moltman and his contribution to understanding of theological value of Jesus Christ's death on the cross

Grigorii V. Alfeev

Doctor of Philosophy, Professor,
Chairman of the Moscow Patriarchate department for external church relations,
115191, 22 Danilovskii val st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: ershov.mospat@gmail.com

Abstract

Juergen Moltman is a theologian and the philosopher of a modern era. His views (which are called "hope theology") was formed under the influence of life's circumstances: he was carried out in camps for prisoners of war. Moltman defines the condition of modern Christianity is d as crisis of identity and crisis of relevance. On the one hand, Moltman's concept allows to comprehend a condition of Christian identity in a new way, to show her discrepancy. Moltman brings up a question of the Cross as the center of Christian life and identity. Original Christian identity consists in a unification with the crucified Christ.

On the other hand, the Christian belief begins with contemplation of the crucified Christ, and, so it is already critical, reflexive. Thus, crisis of identity is generated by the nature of belief and style of thinking of Christians: Moltman calls this state "poorly christianized monotheism". Further, Moltman critically comprehends metaphysical nature of divine life and comes to opinion that God can change in Himself. This thesis is contradictory in relation to the Scripture. Moltman treats to Christ's death not as a Godman event, but as a trinitarian event between the Father and the Son. Moltman's contribution to orthodox divinity consists in updating of the Cross as center of Christian life and identity, in attempt to comprehend trinitarian sense of Godlife in a new way. However, the author thinks that similar statement of the question, key for Christianity, of a God Knowledge is quite vulnerable from a divinity position. Criticizing fundamentalism of modern divinity and indisputability of the authority of the Bible, Moltman could not avoid a number of disputable conclusions.

For citation

Alfeev G.V. (2016) Raspyatiy Bog: Yurgen Mol'tman i ego vklad v osmyslenie bogoslovskogo znacheniya krestnoi smerti Khrista [The crucified God: Juergen Moltman and his contribution to understanding of theological value of Jesus Christ's death on the cross]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 5 (5A), pp. 198-209.

Keywords

Christian identity, God Knowledge, death on the cross of Jesus Christ, Trinitarian theology of the Cross, Juergen Moltman.

References

1. Doklad Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Aleksiya II na vstreche s chlenami Rossiiskoi akademii obrazovaniya [The report of the Patriarch of Moscow and all Russia Alexy II at a meeting with members of the Russian Academy of Education] (1995). *Put' pravoslaviya* [The path of Orthodoxy], 4, pp. 45-67.
2. Dronov M. (prot.). (1998) Ekzistentsiya i opyt v pravoslavnom myshlenii nakanune 21 veka [Existence and experience in orthodox thinking on the eve of 21 centuries]. *Al'fa i Omega* [Alpha and omega], 4, pp. 78-89.
3. Dronov M. (prot.). (1999) Protestantskaya etika i pravoslavnyaya asketika [Protestant ethics and orthodox asceticism]. *Chelovek* [The Man], 3, 4.
4. Evlampiev I.I. (2000) Istoriya russkoi metafiziki v 19-20 vekakh: v 2-kh tomakh [History of the Russian metaphysics at 19-20 centuries: in 2 vols.]. Saint Petersburg.

5. Kardia K. (2011) *Evropeiskaya religioznaya i kul'turnaya identichnost'* [European religious and cultural identity]. *Vopros o raspyatii* [Question of a crucifixion]. Moscow: Tsentr knigi Rudomino Publ.
6. Karnaukhov I.A. (2015) Ternal'nyi printsip marginal'nogo protestantizma i teologii nadezhdy Mol'tmana [Ternary principle of marginal Protestantism and theology of hope of Moltman]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. [Theory and practice of social development], 22, pp. 182-184.
7. Mol'tman Yu. (2012) *Chelovek* [The man]. Moscow: The publishing house of the Biblical Theological Institute of St. Apostle Andrew.
8. Mol'tman Yu. (2005) *Nauka i mudrost': k dialogu estestvennykh nauk i bogosloviya*. Moscow: Biblical Theological Institute of St. Apostle Andrew.
9. Moltmann Jü. (1987) *Der gekreuzigte Gott: das Kreuz Christi als Grund und Kritik christlicher Theologie*. München: Kaiser.
10. Nemychenkov V.I. (2016) Doktrina stradayushchego Boga v sovremennom khristianskom bogoslovii [Doktrina of the suffering God in modern Christian divinity]. *Tserkov' i vremya* [The Church and time], 2 (75), pp. 55-82.
11. Nemychenkov V.I. (2016) Stradaniya Boga Syna v period Ego zemnogo sluzheniya: dogmaticheskie aspekty [Sufferings of God Syn during his terrestrial service: dogmatic aspects]. *Tserkov' i vremya* [The Church and time], 3 (76), pp. 117-168.
12. Sypacheva T.A. (2013) Problema identichnosti v kontekste khristianskoi antropologii [An identity problem in the context of Christian anthropology]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya 3* [The bulletin of the Perm State Humanitarian Pedagogical University. Series 3], 3, pp. 50-56.
13. Zaprometova O.M. (2010) Dukhovnyi opyt / perezhivanie kak put' k Vseedinstvu. Vyzov KhKh veka [Spiritual experience / feeling as a way to All-unity. XX century call]. *Solov'evskie issledovaniya* [Solov'ev studies], 1 (25), pp. 104-111.
14. Zen'kovskii V. (prot). (2001) *Istoriya russkoi filosofii* [History of the Russian philosophy]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ.
15. Zen'kovskii V. (prot). (1997) *Osnovy khristianskoi filosofii* [Fundamentals of Christian philosophy]. Moscow.